

Выслушав его, Жун Чэнь даже не вздрогнул. Лишь его взгляд оставался мёртвым, словно стоячая вода в глубоком колодце — ни единого всплеска, ни малейшей ряби.

Жун Хуэй убрал руку и ледяным тоном процедил:

— Если ты ещё окончательно не лишился рассудка, то должен понимать: даже ради блага Цзи Миньюя тебе стоит ко мне прислушаться.

Жун Чэнь прислонился к краю стола, всё так же безучастно и холодно глядя на отца.

Время шло незаметно. За окном медленно сгущались сумерки.

Приближалась зима, и темнело теперь намного раньше.

Словно вспомнив о чём-то, Жун Чэнь тихо усмехнулся:

— А ведь твоя болезнь прогрессирует. Твои симптомы становятся всё тяжелее.

Жун Хуэй до мельчайших подробностей знал обо всём, что натворил его сын в последнее время: от благотворительного вечера Ян Чуньюя и юбилея старого господина до кровавого побоища на подземной парковке.

Любого из этих эпизодов ему вполне хватало, чтобы официально признать Жун Чэня умалишённым.

Он никогда не любил сына — скорее испытывал к нему брезгливое отвращение. Если бы не категорический приказ Жун Цзимины в своё время, Жун Хуэй ни за что не забрал бы маленького Жун Чэня из-за границы. Так что за ним бы не заржавело.

— Я подыщу тебе хорошего врача, — бросил на прощание Жун Хуэй, направляясь к выходу. — В ближайшее время проведёшь под наблюдением и спокойно пройдёшь лечение. Что касается компании, я поговорю с твоим дедом, и мы временно освободим тебя от дел.

Уже в дверях он обернулся и добавил:

— Надеюсь, ты не повторишь судьбу своей матери.

Кабинет окончательно погрузился во мрак. Жун Чэнь посмотрел на разбросанные по полу документы и устало закрыл глаза.

У Цзи Миньюя снова начались напряжённые будни. Он засиживался за делами допоздна и редко ложился спать раньше двух часов ночи.

В ту ночь стрелки часов уже перевалили за час. Миньюй как раз собирался лечь, когда зазвонил телефон.

Он взглянул на экран. Увидев имя Жун Чэня, он на секунду замер.

За последнее время они не виделись ни разу.

Вызов повторился трижды, прежде чем Миньюй нажал на кнопку ответа и негромко произнёс:

— Алло.

С той стороны молчали. Слышалось лишь едва различимое, прерывистое дыхание.

— Жун Чэнь? — позвал Миньюй. — Что случилось?

— Что делаешь? — после долгой паузы глухо спросил тот.

— Только закончил работать.

— Вот как... — Жун Чэнь помолчал. — Выйди на балкон.

Миньюй бросил взгляд на балкон спальни, натянул домашние туфли и вышел наружу.

Ему показалось, что Жун Чэнь ждёт внизу, однако во дворе царила кромешная тьма — ни души.

В трубке раздался тихий, почти призрачный смехок.

— Выше посмотри.

Миньюй поднял голову. В тёмном небе серебрился тонкий серп молодой луны. До полнолуния было ещё далеко, но сегодня она светила на удивление ярко.

Они молчали. Облокотившись на перила, Миньюй заворожённо разглядывал холодный изгиб полумесяца, упиваясь тишиной, которая повисла на другом конце провода.

— В ближайшее время я буду занят, — наконец нарушил молчание Жун Чэнь.

Он немного помедлил и тише добавил:

— Выкрою время — сразу приеду к тебе.

После этого ночного разговора Жун Чэнь словно сквозь землю провалился. Ни звонков, ни сообщений. Зато в финансовых сводках то и дело мелькали тревожные известия: управление всеми его компаниями спешно передали временным поверенным.

Это не могло не настораживать. Наконец туман неопределённости рассеялся, когда на пороге внезапно появился Лу Чжиин. Его слова прозвучали как гром среди ясного неба: Жун Чэнь заперт в частном санатории и просит о встрече.

Миньюй нахмурился.

— В лечебнице? Что с ним случилось?

— Да какая там лечебница... — Лу Чжиин досадливо покачал головой. — Обычная загородная усадьба Жунов. Просто её так называют.

Он вздохнул:

— Чёрт его знает, что там происходит. Его папаша наглухо перекрыл все каналы информации. Никаких утечек.

Они быстро добрались до загородной резиденции. Место встретило их зловещей тишиной. Огромный старый дом выглядел заброшенным: сад давно задичал, сквозь стыки плит на подъездной дорожке упрямо пробивался бурьян.

У кованых ворот дежурили двое хмурых охранников. Проводив приближающуюся машину тяжёлыми взглядами, один из них коротко переговорил по рации. Лишь после этого створки ворот нехотя поползли в стороны.

— Похоже, Жун Хуэй превратил это место в настоящую тюрьму, — процедил Лу Чжиин, недовольно косясь на охрану.

Миньюй промолчал.

Стоило им выйти из салона, как навстречу выдвинулся крепкий мужчина в строгом чёрном костюме и тёмных очках. Не говоря ни слова, он протянул Миньюю зазвонивший мобильный телефон.

Миньюй поднёс трубку к уху. Из динамика раздался властный голос Жун Хуэя:

— Говорите быстрее. Считай, это ваша последняя встреча.

— Вот как? — холодно отозвался Миньюй.

— Не забывайся, Цзи Миньюй. С нынешним диагнозом Жун Чэня я имею полное право назначить ему даже электросудорожную терапию. Подумай об этом.

Миньюй не стал тратить слова. Он молча нажал отбой, швырнул телефон обратно в руки охраннику и в упор посмотрел на него:

— Где Жун Чэнь?

Лу Чжиин остался внизу. Несмотря на раздиравшее его любопытство, он понимал, что этот разговор не для чужих ушей, и подниматься не стал.

Сопровождающий повёл Миньюя на второй этаж.

Старые половицы глухо постанывали под ногами. Усадьба явно знала лучшие времена. В конце длинного коридора они остановились перед массивной дверью просторной спальни. На ней висел тяжёлый замок.

Охранник достал связку, провернул ключ в замочной скважине и хрипло буркнул:

— У вас десять минут.

Миньюй одарил его ледяным взглядом, толкнул дверь и шагнул внутрь.

Жун Чэнь сидел в глубоком деревянном кресле, небрежно скрестив руки на груди. В его глазах, устремлённых на вошедшего, застыл абсолютный, почти пугающий покой.

Он страшно похудел. На нём была лишь лёгкая домашняя рубашка, хотя за окном уже вовсю хозяйничал предзимний холод. В комнате не топили; от сырого сквозняка даже у Миньюя побежали мурашки.

Миньюй подошёл ближе. Взгляд зацепился за бледные, исхудавшие кисти Жун Чэня — на тыльной стороне ладоней темнели следы от частых капельниц. На прикроватном столике стоял металлический поднос с россыпью разноцветных пилюль.

Миньюй брезгливо покосился на лекарства:

— Тебе нельзя это пить.

— Разве это важно? — Жун Чэнь слабо усмехнулся. — Кое-кто очень хочет, чтобы я послушно глотал эту дрянь.

Миньюй подцепил пальцами одну из таблеток.

— Если нельзя, значит, нельзя.

Он разжал пальцы, и пилюля с тихим стуком полетела в мусорную корзину.

Жун Чэнь молча следил за его движениями, затаив дыхание.

— Я знаю, что «Чжэньюй» пора менять вектор развития и выходить на внешние рынки, — нарушил он тишину, резко меняя тему. — Миньюй, лучшего момента не найти. Действуй.

— С этим можно повременить, — возразил Миньюй.

Жун Чэнь впился в него лихорадочным, твёрдым взглядом:

— Нет. Уезжай сейчас же. В ближайшие дни.

В комнате повисло тяжёлое молчание. Лишние слова были не нужны — они понимали друг друга без них.

Внезапно Жун Чэнь поднялся на ноги. Подойдя почти вплотную, он осторожно обхватил лицо Миньюя ладонями. Его пальцы были ледяными — от этого прикосновения по коже пробежал озноб. Жун Чэнь подался вперёд и мягко коснулся губами уголка его рта.

Время словно замерло, превращаясь в вязкую вечность. В этой звенящей тишине раздался его тихий, срывающийся шёпот.

Он всегда искал его губы, словно только через эти мимолётные поцелуи мог высказать то, на что не хватало обычных слов.

— Моя последняя просьба... Не забывай меня.

Миньюй разомкнул веки и увидел, как по щеке Жун Чэня катится прозрачная слеза.

Но лицо его оставалось неподвижной маской, лишённой эмоций. Ни боли, ни отчаяния — точь-в-точь мраморное изваяние. Казалось, эта слеза была лишь случайной каплей дождя, застывшей на холодном камне.

Миньюй молча смотрел на него.

Почувствовав этот пристальный взгляд, Жун Чэнь медленно поднёс руку к лицу. Он провёл кончиком пальца по щеке и бесстрастно уставился на влажный след.

— Побочное действие таблеток, — равнодушно обронил он, едва заметно улыбнувшись. — Глаза совсем не выносят яркого света.

Время истекло.

В конце концов Миньюй уступил. Он пообещал, что улетит из страны послезавтра.

Лу Чжиин терпеливо ждал у дверей. Заметив помрачневшее лицо друга, он не стал задавать лишних вопросов.

Но едва они вышли за ворота усадьбы и Миньюй набрал номер секретаря, чтобы заказать билеты на ближайший рейс, Чжиин изумлённо замер.

У холодного панорамного окна на втором этаже стоял Жун Чэнь. На его плечи было брошено пальто, которое оставил ему Миньюй.

В лучах блёклого зимнего солнца его тёмные глаза тускло поблёскивали. Он зажмурился, чувствуя, как на подушечках пальцев медленно остывает чужое тепло.

В этот момент тяжёлая дверь позади него снова со скрипом отворилась.

В комнату вошёл давешний охранник в тёмных очках и бесшумно остановился за его спиной.

Жун Чэнь, не оборачиваясь, скользнул по нему холодным взглядом:

— О чём мой отец говорил с Цзи Миньюем?

<http://bllate.org/book/20118/2003948>